

«КОРАБЛЬ МЕРТВЫХ» У БАТАКОВ СУМАТРЫ (по коллекциям МАЭ)¹

Вера в бессмертие или в жизнь после смерти, коренящаяся, очевидно, в глубинных основах человеческой психики, является универсальным принципом любой религии и не зависит от того, продолжает ли человек свое существование как бестелесная душа или как вполне телесный «живой мертвец», т. е. остающийся после смерти, в сущности, таким же, каким был при жизни. Главным и объединяющим моментом здесь является представление, что для каждого отдельного человека жизнь не кончается с физической смертью, что существует прочная связь между его жизнью в настоящем и жизнью в будущем, в ином мире. Реализация же этого представления приобретает различные формы у разных народов. Однако у тех народов, жизнь и благополучие которых тесно связаны с водой, морем, культура которых определяется как «культура мореплавателей», очень сходны специфические формы выражения связи с потусторонним миром, в частности обряды захоронения в лодках, и в этом смысле нет разницы между погребением древнего викинга и современного самоанского или фиджийского вождя².

В системе погребальных обрядов народов Индонезии и Океании лодка фигурирует в различных вариантах: либо тело умершего выставляют в лодке, а затем закапывают в землю, либо устанавливают лодку на могиле вождя, либо хоронят в гробах, имеющих форму лодки, и т. п.

Все это — следы когда-то существовавших способов морских захоронений, таких как бросание умершего в море или погружение лодки с умершим глубоко в воду, связанных с представлением о возвращении на свою прародину, в страну предков или потусторонний мир. Сама же страна предков рисуется то как обиталище духов, расположенное тут же на острове, под землей (острова Сумба, Буру, Ару, Серам), то как реальный соседний остров (Ватубела, Тиморлаут, Саву, Роти, Соломоновы острова), то как легендарная страна на легендарном острове за морем (Фиджи, Самоа, Новая Зеландия). На примере островов юго-восточной части Малайского архипелага, Меланезии, Полинезии видно, как исчезают представления о конкретной прародине населяющих их народов: первоначальная идея о возвращении на свою прародину, в страну предков, понимаемую как вполне реальный остров, постепенно заменяется идеей самого путешествия души умершего в потусторонний мир, который, правда, сохраняет вид реального острова (Соломоновы острова) до тех пор, пока страна предков не превращается окончательно в легендарную страну, куда путешествует мифический «корабль мертвых» (Полинезия). Но как бы далеко ни зашел процесс мифоло-

¹ Впервые опубликовано в: Культура народов Востока. Л., 1974. С. 167–180. (СМАЭ. Т. XXX).

² О захоронении в лодках см.: [Анучин 1890]; о захоронении викингов в ладьях см.: [Arbman 1940: Abb XVI, XX, XXI, XXII]; о погребениях в лодках в Полинезии см.: [Moss 1925: 9–10].

гизации истории у народов Океании, в их представлениях о потустороннем мире, возвращении умершего в страну своих предков еще явно прослеживаются реминисценции древнейших миграций и следы существовавшего когда-то обычая отправлять тело умершего в лодке в сторону своей настоящей прародины [Moss 1925: 9–10, 13, 14, 23]³.

В какой-то степени этот обычай продолжает существовать в ритуальных «кораблях мертвых», особенно распространенных в Меланезии (Фиджи, Соломоновы острова), Полинезии (Самоа, Новая Зеландия) и в Индонезии: у даяков, батаков, нiasцев. Основное назначение их — перевозить души умерших в потусторонний мир⁴. Два батакских «корабля мертвых» (*perrahu pekkaluh*) имеются в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого в коллекции, приобретенной у Георга Мейсснера в 1897 г. (рис. 1, 2). В такие корабли (точнее, лодочки) батаки племени каро рода Сембиринг складывают после кремации останки умерших и пускают вниз по течению р. Лаубианг по направлению к своей прародине — читаем мы в ряде работ [Joustra 1926: 183; Loeb 1935: 8; Народы Юго-Восточной Азии 1966: 523]. Спуск лодки с душами умерших на воду, проводы душ в потусторонний мир на корабле — ключевой момент «праздника смерти» — тщательно разработанного ритуализированного представления, длящегося несколько дней у батаков и даяков. Сопровождает и ведет души в потусторонний мир особый проводник, а жрец, руководящий этой церемонией, поет песни, в которых подробно описывает долгий путь корабля через море и все опасности, преодолеваемые на этом пути [Stöhr, Zoetmulder 1965: 28, 32, 176; Encyclopaedia 1914: 244–245].

Возникновение подобного обряда в связи с миграцией кажется вполне естественным у народов, окруженных со всех сторон морем и сохранивших еще представление о своей реальной прародине — острове, который превратился для них в страну предков, в потусторонний мир. Но можно ли рассматривать смысл этого обряда у батаков столь однозначно, возводить его только к миграции, в конечном счете, связывать только с их этногенезом? Зачем батакам, живущим в глубинных районах Северной Суматры, не имеющим прямого выхода к морю, считающим, что царство мертвых находится здесь же, под землей⁵, или (лишь для некоторых) на небе [Eliade 1951: 259], и, как правило, закапывающим покойных в землю, отправлять души умер-

³ В книге Р. Мосс подробно освещаются представления о потустороннем мире у народов Индонезии и Океании в связи с проблемой миграций и соотношения веры и ритуала.

⁴ Культовым кораблям Индонезии посвящена специальная обширная статья А. Штеймана [Steimann 1941: 149–205], в которой подробно анализируется их стиль, орнамент, некоторые функции. Данная статья касается только назначения одного из видов культового корабля — «корабля мертвых» — и только у одного народа — батаков.

⁵ Батаки хоронят своих умерших в земле, в четырехугольных погребальных урнах, а наиболее уважаемых — в каменных саркофагах или в гробах в форме лодки. О способах захоронения у батаков см.: [Joustra 1926: 182–189; Loeb 1935: 72–74].

Рис. 1. «Корабль мертвых». № 381-В46

Рис. 2. «Корабль мертвых». № 381-В47

ших на кораблях и подчеркивать, что им надо пересечь море? Можно ли объяснить этот обряд только так, как предлагает Р. Мосс: там, где умерших помещают в лодку и в то же время представления о потустороннем мире не носят островного характера, следует говорить о домиграционных представлениях, которые с течением времени забылись, но позже, в связи с миграцией, лодки, первоначально предназначенные для возвращения умерших на прародину, стали ритуальными, а сама идея миграции превратилась в веру о путешествии души в страну мертвых или предков [Moss 1925: 4, 27, 31]. В лучшем случае с этим связано происхождение сохранившегося у батаков обряда захоронения в гробах, имеющих форму лодки, или обычаев выставлять тело в лодке на несколько дней, но вряд ли только миграцией можно объяснить весь комплекс представлений, относящихся к употреблению ритуальных «кораблей мертвых». И как, например, связать идею миграции с тем, что «корабль мертвых» перевозит умерших не только по воде, но и по небу, что это одновременно и небесный корабль [Steimann 1941: 163]?

Попытаемся рассмотреть батакский «корабль мертвых» не изолированно, не просто как один из элементов погребального культа, а в системе представлений, связанных с жизненным циклом, где корабль играет важную роль, привлекая при этом сравнительно-типологический материал по другим народам малайско-полинезийского региона.

У многих народов Океании и Индонезии вообще, в том числе и у батаков, с понятием «корабль», «лодка» ассоциируется сама жизнь, постоянное функционирование этноса. У жителей маленькой группы островов Танимбар (юго-восточные острова), так же как и у жителей крупных островов и архипелагов — Мадуры, Молуккских, Новой Гвинеи, Филиппин (бисайя, ибанги, яканы) и даже глубинных районов Центрального Сулавеси, отождествляются понятия «корабль», «лодка» и «деревенская община», т. е. одно понятие определяется через другое: «община — это корабль, в котором мы живем» [Vroklage 1936: 712–715, 729, 747].

На островах Танимбар и Амбон, например, место, где проходили общинные собрания, имело форму корабля, а старейшины и все знатные и уважаемые люди рассаживались в нем так же, как в ритуальном корабле, используемом по праздникам (рис. 3) [Vroklage 1936: 714, 717]. Старейшина общины называется даже капитаном корабля [Vroklage 1936: 747]. Сами дома, особенно их крыши, на огромном пространстве от Суматры и Калимантана до Сулавеси и далее, на Новой Гвинее, архипелаге Бисмарка, островах Адмиралтейства, Тробрианских и Каролинских островах, имеют форму корабля, а на островах Танимбар передняя и задняя части конька крыши дома называются соответственно передней и задней мачтой [Vroklage 1936: 712].

Что касается батаков, то у них указанная форма крыши выражена особенно ярко. Таким образом, понятия «корабль», «жизнь», «дом» буквально тождественны друг другу. Такое положение можно действительно объяснить только происхождением этих народов, чьи предки приплыли на лодках. Но человек умирает, и его помещают в гроб, имеющий форму лодки (Молуккские острова, кайяны и кенья на Калимантане и др.) или в специ-

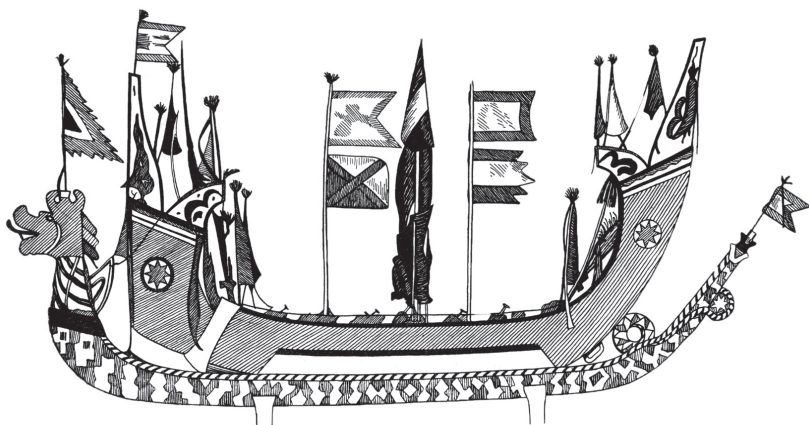

Рис. 3. Дом в виде корабля в северной части острова Хальмахера.
[Vroklage 1936: Abb. 6]

альный домик мертвых, также напоминающий по форме лодку, иногда с прикрепленной на нем птицей (острова Танимбар, Моротай). У батаков имеется несколько способов погребения, в том числе и в гробах-лодках (рис. 4) или в четырехугольных погребальных урнах, куда складывают кости умерших и крыша которых также имеет форму лодки. Иногда на могилах сооружают маленькие домики, аналогичные домикам мертвых на островах Танимбар [Vroklage 1936: 735]. Генетическая связь гроба и лодки подтверждается в ряде случаев и языковыми данными: так, у жителей Южного и Центрального Нияса лодка называется *ово*, а гроб — *ово-ово* [Vroklage 1936: 727]. В различных районах о. Сумба словом *кабанг* обозначается деревянный или каменный гроб, а также погребальная каменная урна. Это слово, по мнению Крайта, родственно ментавайскому *аванг* со значением «лодка», «корабль». Возможно, и у даяков племени оло-нгаджу слова *раунг* (гроб) и *рохонг* (лодка) происходят от одного корня. Вообще у тораджей, даяков, ниясцев часто совпадают термины, обозначающие гроб и корабль [Encyclopaedia 1914: 245]. Таким образом, не только жизнь, но и смерть у многих народов Индонезии ассоциируется с понятием «корабль», «лодка». Это станет вполне ясным, если раскрыть их специфическое отношение к смерти.

Смерть для народов Индонезии и Океании — один из важнейших моментов жизненного цикла, такого же плана, как рождение, инициация, свадьба. В то же время, будучи заключительным этапом жизненного цикла, смерть является кульминационным моментом, в котором находят наиболее полное воплощение все предыдущие периоды жизни. Умирая, человек вступает в новую фазу своего существования⁶. Он продолжает жить как член общества умерших предков, в то же время давая новую жизнь на земле свое-

⁶ О представлениях, связанных с жизнью после смерти у народов Индонезии и Океании см.: [Frazer 1913; Moss 1925].

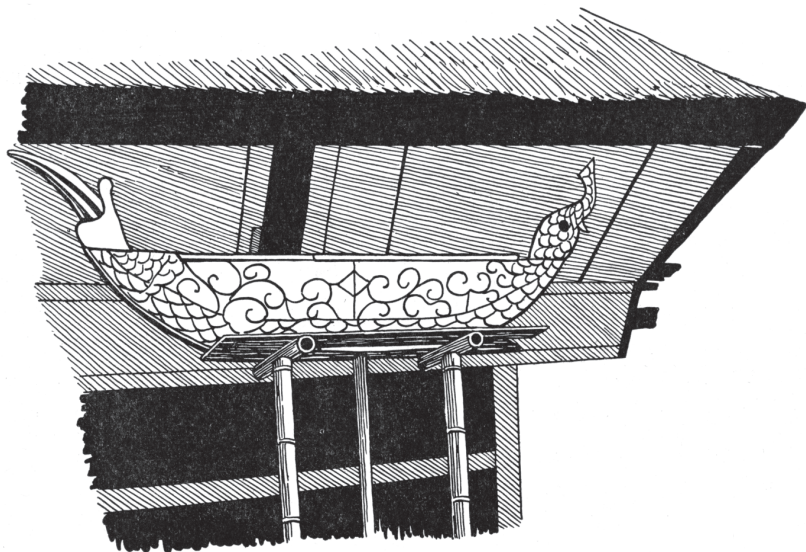

Рис. 4. Гроб батаков в форме лодки, установленный на галерее крыши дома
[Vroklage 1936: Abb. 17]

му потомку. Смерть является одновременно концом одной и началом другой жизни [Shärer 1946: 93, 105; 1966: 678, 681—682]. И в этом вечном круговращении, вечном возобновлении новой жизни осуществляется связь между прошлым, настоящим и будущим, понимаемая как конкретная цепь поколений. И поэтому неудивительно, что если жизнь, земное существование неотделимо от понятия «корабль», то и смерть как продление жизни в иной форме, как иной способ существования тоже связана с этим же понятием. В различных вариантах захоронения в гробах-кораблях и их модификациях (урнах с крышей корабля, домиках мертвых и т. п.) выражена, таким образом, не только идея возвращения к своим предкам, движения, путешествия на свою прародину, но и идея существования в потустороннем мире, в мире предков, в той обычной форме, какая была у человека в его земном существовании. Обе формы жизни — до смерти и после смерти — немислимы одна без другой, а человек, принадлежащий одновременно двум мирам, продолжает свое существование в одном и том же «доме-корабле». Это же значение имеет и ритуальный «корабль мертвых» у батаков. В данном случае «корабль мертвых» и различные способы захоронения, где присутствуют элементы, так или иначе восходящие к форме лодки, могут быть сопоставлены в функциональном плане. Тот факт, что у батаков племени каро рода Сембинг складывают в корабль останки после кремации, можно объяснить влиянием индуизма. В «корабле мертвых» наблюдается слияние индуистских представлений (обряд сжигания) с исконно батакскими. Однако это далеко не единственное и отнюдь не самое главное зна-

чение батакского «корабля мертвых». Посмотрим теперь, имея уже некоторый запас представлений о функциях корабля в жизненном цикле, что же собственно представляет собой «корабль мертвых», из каких компонентов он состоит и что на нем изображено?

№ 381-В46. Модель корабля. Сделана из светлого дерева. Длина 53 см. Нос корабля — изображение головы птицы с огромным клювом (птицы-носорога), корма — это хвост дракона, змеи или вообще рептилии. Корпус корабля покрыт красными пятнами, обведенными синими кружками, изображающими рыбью чешую или напоминающими змеиную кожу. На корабле имеется 12 изображений человеческих фигур из светлого дерева. Спереди и сзади 2 крупные фигуры (высота соответственно 18 и 17 см), остальные, расположенные в середине корабля, более мелкие (высота 8—8,5 см). Передняя фигура облачена в красную ткань. Голова покрыта белым платком. В руке держит предмет, похожий на подзорную трубу. Фигура, расположенная сзади, облачена сверху в красную, снизу в черную ткань. Голова покрыта черным платком. Из десяти более мелких фигур три завернуты в белую ткань, семь — в красную. Головы двух фигур покрыты красными, головы остальных — темно-синими платками. Ближе к корме корабля расположена мачта с тремя отстоящими на равном расстоянии друг от друга навесами; верхний и нижний красного, а средний — белого цвета. Между навесами прикреплены перья птицы. Длина мачты 69 см. Весь корабль установлен на плоской доске длиной 110 см.

№ 381-В47. Модель корабля. Сделана из дерева, покрашенного белой краской. Длина 80 см. Нос корабля — изображение головы птицы-носорога, корма — хвост дракона, змеи или другой рептилии. Корпус разрисован змеевидным орнаментом золотистого цвета. На корабле имеется шесть изображений человеческих фигур из черного дерева. Впереди расположена мужская фигура в брюках светло-бежевого цвета, облаченная в красную ткань. На ее голове — платок красного цвета. Темя покрыто белой тканью. В руках держит ружье в форме подзорной трубы. На корме корабля расположена женская фигура с характерными батакскими серьгами, облаченная в черную ткань. Руки широко расставлены. Высота обеих фигур 34 см. Между ними расположены четыре фигуры из черного дерева, длиной соответственно 16, 17, 18, 20 см. Голова у всех покрыта белой тканью. На корабле установлены три мачты с прикрепленными на них перьями птиц. Высота средней, самой большой мачты 100 см.

Что означают основные изображения на корабле — змея (дракон), птица, человеческие фигуры, мачта? Фроклаге считает, что птица-носорог и змея (дракон) обладают магической силой, благодаря которой умершие благополучно достигают своей прародины [Vroklage 1936: 744]. Однако это еще недостаточно раскрывает их символику⁷. В названных образах-символах нашли воплощение космологические представления батаков; они явля-

⁷ См. о символике архаичного мышления и символе как средстве познания в: [Elia-de 1961: 9—12].

ются также своего рода инструментами классификации и рационального освоения окружающего мира. Вселенная, по батакским представлениям, состоит из трех миров: верхнего (небо), среднего (земля) и нижнего (подземелье), соединенных мировым деревом. Нижний мир — это водная стихия, где царствует божество, представленное в виде змеи или дракона — Нага Падоха. На голове ее держится земля, или средний мир. В то же время змея связана не только с подземным миром, хотя это и главное место ее обитания. Она связана и с небом, точнее — с небесными силами, так как способна вызвать дождь, бурю, гром, молнию [Tobing 1956: 4], но и здесь сказывается прежде всего ее водная природа. Кроме того, божество подземного мира в образе змеи связано и иным способом с небом: подземная змея является одновременно двойником и антиподом божества верхнего мира, вернее, одного из трех божеств верхнего мира — Мангабулана. Согласно батакским мифам, Нага Падоха и Мангабулан произошли из одного яйца [Stöhr, Zoetmulder 1965: 52]. Таким образом, змея соотносится со всей трехчленной структурой вселенной: с нижним миром, поскольку она там живет, со средним миром, поскольку на ней держится земля, и с верхним миром, поскольку она влияет на небесные силы. Подземная водяная змея выступает также в трех ипостасях — в образе женского божества Бору Санианг Нага, живущего в озерах и морях, в образе Бораспати ни Тано — ящерицы, обитающей на земле, и в образе рогатой змеи Пана на Болон, обвивающей землю [Stöhr, Zoetmulder 1965: 51–53]. Верхний мир в восприятии батаков — это царство главного божества — Мула Джади, который действует в образах им же созданных трех богов — Батара Гуру, Сорипада и Мангабулана. Тройственная природа подземного божества соответствует тройственной природе небесного божества. Если змея является воплощением божества нижнего мира, то божество верхнего мира представлено в образах птиц — двух ласточек и петуха или, особенно у тоба батаков, птицы-носорога [Korn 1953: 116–120]. Однако существует не только противопоставление божеств верхнего и нижнего миров, выступающих в образах птицы-носорога и змеи, но и их единство. Мы уже видели, что есть намеки на слияние божеств обоих миров: Нага Падоха и Мангабулан произошли из одного яйца, змея связана с трехчленной структурой мира, а не только с подземным царством. Птица-носорог и змея — это два проявления, два образа, в сущности, единого амбивалентного божества. Это предположение подтверждает и даякский материал⁸. У даяков племени нгаджу божество верхнего мира — Махата — изображается птицей-носорогом, а божество нижнего мира — Джа-та — змеей или драконом, причем оно выступает как единая сущность с головой птицы и хвостом дракона. На культовых рисунках даякских жрецов змея часто рисуется с перьями птицы, а птица-носорог — с чешуей земно-

⁸ Религиозно-магические воззрения и модель мира даяков, особенно племени нгаджу, очень сходны, буквально даже в деталях совпадают с батакскими. Это позволяет в ряде случаев интерпретировать некоторые элементы батакской символики по аналогии с подобными же элементами у родственных им даяков.

водной змеи [Schärer 1946: 33–39]. Шерэр проследил и проанализировал у даяков последовательное противопоставление верхнего и нижнего миров, оппозиции «верх—низ» среди божеств, в социальном членении и в формах захоронения. Он показал, что птица-носорог и змея выступают у нгаджу-даяков в качестве одного из распространенных символов фратриальных различий. Птица-носорог — *бунгай* — и змея — *тамбон* — названия двух фратрий, одна из которых ассоциируется с мужским началом и патрилинейностью, другая — с женским началом и матрилинейностью. Соответственно этому у даяков имеются женские гробы в форме змеи и мужские — в форме птицы-носорога (рис. 5) или гробы, символизирующие единство водной змеи и птицы-носорога (рис. 6) [Schärer 1963: Pl. IX, 7; XVII, 90].

Но при всем том Шерэр подчеркивает не только различие, но и тождество двух символов. Сколько-нибудь важное мероприятие может быть

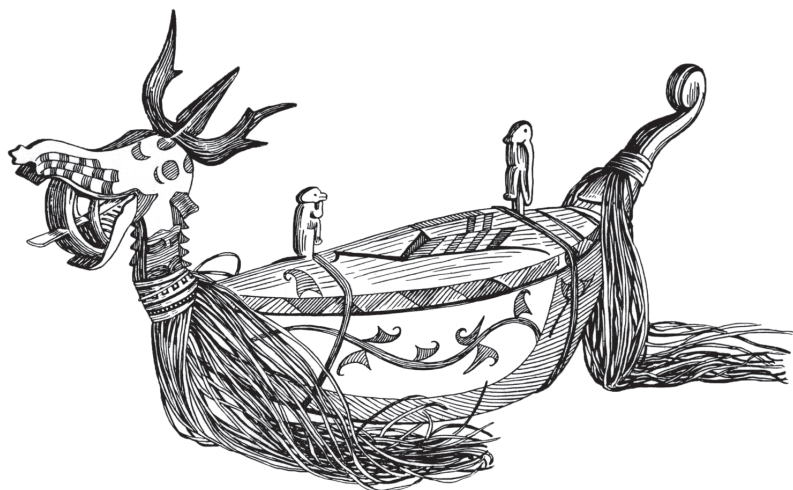

Рис. 5. Даякский мужской гроб [Schärer 1946: Taf. IX. Abb. 7]

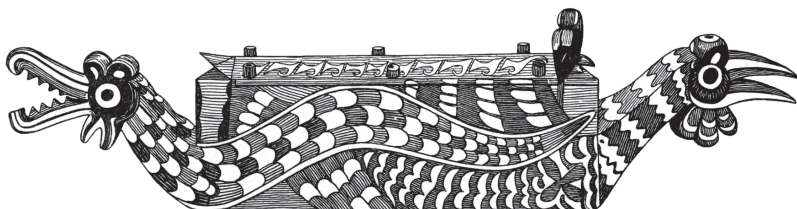

Рис. 6. Даякский гроб в форме змеи и птицы-носорога
[Schärer 1946: Taf. XVII. Abb. 20]

успешным только в том случае, если в нем участвуют представители двух фратрий, что выражается предложением «*tambom haruwei bungai*» (змея вместе с птицей) [Schärer 1966: 841, 870]. Птица-носорог и змея в мифах могут выступать как два брата-близнеца [Schärer 1966: 938], участвующих в процессе мироздания, и созидательная сила проявляется только в их единстве. Иначе говоря, Шерэр на тех же уровнях показал единство символов верхнего и нижнего миров и пришел к выводу, что основная характеристика даякской системы представлений об устройстве мира — это амбивалентность. Амбивалентна сама природа божества, выступающего в единстве мужского и женского начал, и его деятельность — одновременно и созидательная, и разрушительная, приносящая как благо и счастье, так и вред [Stöhr, Zoetmulder 1965: 52].

Аналогию этому мы видим и у батаков. Согласно батакскому космогоническому мифу, земля, средний мир, была создана в результате борьбы божеств верхнего и нижнего миров, птицы и змеи, и в то же время силами обоих божеств [Warneck 1909: 28]. Поэтому батакский «корабль мертвых», корпус которого изображает собой птицу-носорога с туловищем и хвостом змеи, — это символ единства и противоположности двух миров — верхнего и нижнего, символ динамичной и двойственной природы божеств обоих миров, различных и в то же время сливающихся и взаимозаменяющих друг друга, являющихся, в конечном счете, амбивалентной сущностью единого божества. Если мы установили, что птица-носорог и змея «корабля мертвых» символизируют верхний и нижний миры, то отсюда, естественно, следует, что мачта корабля представляет собой мировое дерево, соединяющее три космические зоны.

В одном батакском мифе говорится, что мировое дерево, или дерево жизни, возникло благодаря созидательной силе верховного божества — Мула Джади — и сначала стояло у входа в верхний мир, а своими корнями достигало среднего мира. Но позже три других божества обрезали его корни [Warneck 1909: 28]. Существует и другая версия мифа о мировом дереве: Мула Джади посадил дерево в центре среднего мира, оно своей кроной достигает верхнего мира, а корнями стоит в нижнем мире [Tobing 1956: 57, 60, 61]. У батаков, как и у многих народов, мировое дерево является не только моделью всей вселенной, но и источником жизни, хозяином судьбы. На каждом листочке его написаны различные судьбы душ, которые реализуются тогда, когда душа попадает в средний мир [Warneck 1909: 28]. Подобный взгляд на роль мирового дерева имеет самые широкие типологические параллели [Eliade 1951: 235–353]. Не случайно поэтому праздник мертвых и у батаков, и у даяков заканчивается разрушением изображения мирового дерева с тем, чтобы его снова воссоздать и показать, как из смерти возникает новая жизнь. В этом и состоит заключительный смысл праздника мертвых, который как бы выражает в ритуале, драматизирует космогонический миф [Schärer 1966: 786–787] и полностью смыкается со всей системой представлений о жизни после смерти. Роль мирового дерева специально исследована в ряде работ [Holmberg 1923; Bosch 1960], обобщенных в трудах

М. Элиаде [Eliade 1949: 238–281; 1951: 244–259; 1961: 29–33]. Он показал разнообразное воплощение представлений о мировом дереве (столб, гора, лестница, дорога, шаманское дерево) и обозначил всю его поистине неисчерпаемую символику как «символику центра или космической оси», пронизывающую всю картину вселенной от макрокосмоса до микрокосмоса, вплоть до устройства жилища.

Три навеса на мачте корабля № 381-B46 соответствуют трем мирам, а каждая из трех мачт на корабле № 381-B47, очевидно, олицетворяет определенные части мирового дерева, расположенные также во всех трех мирах. Трехчленное строение дерева соотносится не только с трехчленным вертикальным делением окружающего мира у батаков, но и с тремя воплощениями божеств верхнего и нижнего миров. У батаков действует космологическая схема «дерево-птица» и «дерево-змея». В какой-то степени змея сама подобна мировому дереву, будучи также связана со всеми тремя мирами, — представление, широко известное у ряда народов [Топоров 1972: 72]. Дерево жизни у батаков, так же как и птица-носорог и змея, является символом одновременно верхнего и нижнего миров, божеств этих миров, жизни и смерти, т. е. символом вселенной в ее единстве.

Итак, составные части корабля — птица-носорог, змея и мачта — синонимичны по значению и поэтому, вероятно, так легко взаимно заменяют и нейтрализуют друг друга. Сам же корабль в целом воплощает и снова повторяет в себе эту, казалось бы, уже избыточную символику представлений о вселенной, воспринимаемой в ее целостности. Если добавить к сказанному, что понятие «корабль» неразрывно связано с жизнью до и после смерти, что праздник смерти, в котором участвует «корабль мертвых», изоморфен космогоническому миру, является ритуализацией мифа о мироздании, то мы опять увидим, что это, в сущности, является повторением на разных уровнях и выраженной разными способами все той же символики единства вселенной и взаимосвязанности всех ее частей, возникновения жизни из смерти, вечного возрождения, приобщения человека к космическим силам, управляющим всей жизнью.

Однако уже не раз отмечалось, что те же самые символы находятся одновременно в отношении противопоставления, образуют оппозиции. В этом смысле они классифицируют явления внешнего мира, что можно обнаружить уже на рассмотренном выше материале. У батаков наблюдается отчетливый параллелизм противопоставлений верха и низа, выступающих в форме «небо—земля» и «земля—преисподняя», птицы и змеи, мужского и женского начала. Это подтверждается хотя бы наличием специальных мужских гробов в форме птицы-носорога и женских — в форме змеи. Низ, женское начало, связано с водой (водяная змея) и противопоставляется верху, мужскому началу, тому, что над водой. Человеческие изображения на корабле, к интерпретации которых мы переходим, дополняют эту картину. На корабле 381-B47 впереди изображена явно мужская фигура в светлых брюках, в красном одеянии, называемая «капитаном корабля» [Stöhr, Zoetmulder 1965: 176], который сопровождает души умерших в потусторон-

ний мир. Но сзади на корабле находится и явно женское изображение с серьгами в ушах, облаченное в черное одеяние. Очевидно, это изображение также представляет того, кто ведет души в потусторонний мир, но если мужчина, одетый в светлое, в красную или белую ткань, ведет умерших в верхний мир, связанный с птицей, с мужским началом, то женщина, одетая в черное, ведет умерших в нижний мир, связанный со змеей, женским началом, водой. Пространственная символика дополняется цветовой. Верх связан со светлым (белым и красным) цветом⁹, а низ — с темным. Универсальность этих оппозиций устанавливается на том основании, что она прослежена у многих народов мира [Иванов, Топоров 1965: 192—197], и батаки, по-видимому, не исключение. Что касается маленьких человеческих фигурок, то они являются, очевидно, персонифицированными изображениями душ умерших. Их цветовая символика (черно-белая — 381-B47, красная в сочетании с белым и черным — 381-B46) соотносится с выделенными пространственными противопоставлениями в структуре коллектива, что требует, конечно, специального исследования.

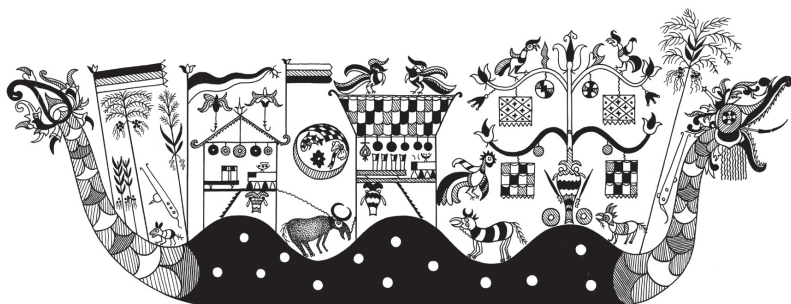

Рис. 7. Изображение даякского корабля духов (племя нгаджу)
[Zimmerman 1968: 205, Taf. XIX]

Итак, всего лишь в одной функции «корабля мертвых» — перевозить умерших в потусторонний мир — сосредоточились по существу разнообразные аспекты батакского мировосприятия, связанные со строением вселенной, природными явлениями, пучком понятий, относящихся к жизни и смерти. Благодаря всей символике постепенно выявилась полисемантическая природа «корабля мертвых». Если мы теперь взглянем на нее шире, с позиции сравнительно-типологического изучения, то в многозначной

⁹ Красное в различных системах противопоставлений выступает иногда функционально равным черному, а иногда белому [Иванов, Топоров 1965: 194, 196] У батаков, очевидно, этот цветовой признак характеризует то верхний мир (красный в сочетании с белым), то нижний (красный в сочетании с черным на женской фигуре и на мелких человеческих фигурках корабля № 381-B46).

символике корабля выявится еще одно его значение, может быть самое главное. Одновременно теперь можно ответить и на ряд вопросов, поставленных в начале статьи. Нетрудно провести параллель между трехчленным делением мира у батаков и трехчленными структурами классического шаманистского ареала [Анисимов 1958: 163–164]. А кто может быть проводником, «капитаном корабля» (у батаков в двух образах — мужском и женском), который ведет души умерших в потусторонний мир? Это одна из функций шамана вообще, в том числе и в Индонезии, но у различных народов она перешла к другим категориям лиц — особым жрецам (у нгаджу-даяков), профессиональным плакальщицам (у ибан-даяков) и т. д. Кто может повести души умерших не только в преисподнюю, но и на небо? Только душа шамана способна в экстатическом полете совершить ритуальное восхождение на небо. Следовательно, и здесь функции проводника на батакском корабле тождественны шаманским. Но шаман совершает свой полет благодаря дереву, связывающему три мира. Вариантом этого дерева на корабле является мачта (или три мачты), которая, таким образом, оказывается и воплощением шаманского дерева. Это же дерево помогает шаману проникнуть и в подземный мир, в преисподнюю, которая представляет собой водную стихию. Именно это символическое море, о котором поется в песнях, и должна пересечь душа умершего, что вполне согласуется с представлениями о потустороннем мире у батаков, который находится под землей, с путешествием по воде или по морю, которое является неизменным мотивом погребальных плачей. Батакский «корабль мертвых», очевидно, полностью соответствует шаманской лодке, являющейся средством передвижения шамана в его экстатическом путешествии в подземном мире и имеющейся у народов с развитой системой шаманизма¹⁰. «Корабль мертвых» у батаков является в таком случае воплощением необходимых и устойчивых признаков, позволяющих говорить о наличии шаманского комплекса, хотя у них отсутствует шаманизм как господствующее явление в религиозной жизни, как некая идеальная модель, в которой нашли бы выражение все характерные черты этого явления. Каким образом соединить теперь происхождение «корабля мертвых», связанное, в конечном счете, с этногенезом, миграционными процессами, предками батаков, пришедшими на лодках, и его функцию шаманского корабля? Тут возможны два пути решения проблемы: либо пришельцы на лодках принесли с собой комплекс шаманских представлений, что вполне возможно, если считать родной шаманизма Восточную Азию, либо лодки вошли как атрибут шаман-

¹⁰ См., например: Нишань самани битхэ (предание о нишанской шаманке) [Волкова 1961]. У ряда других народов Индонезии — даяков, малайцев, некоторых народов Южной Суматры — лодки используются в шаманской практике, с одной стороны, как вместилище злых духов (рис. 7), болезней, которое выпускают в открытое море, с другой — как средство передвижения шамана в стране духов в поисках исчезнувшей души больного [Steimann 1941: 182–195; Skeat 1906: 427; Cuisinier 1938: 108–109]. У батаков, однако, эти явления не нашли яркого отражения.

ства, существовавшего или возникшего позже уже у самих батаков, что также вполне возможно, если исходить из теории конвергентного развития шаманизма на определенной стадии. По существу, это уже выливается в решение проблемы происхождения шаманизма в Индонезии. Но, как бы ни был решен этот вопрос, важно только одно: «корабль мертвых» батаков со всеми его атрибутами является необходимым источником для изучения прежде всего шаманских представлений у этого народа.